

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПРИМЕТАМ» Е. А. БАРАТЫНСКОГО

«Приметы» (1839) — одно из самых известных стихотворений Евгения Баратынского — первоначально были напечатаны в альманахе «Утренняя заря на 1840 год».¹ Эта редакция стихотворения несколько отличается от более поздней версии, вошедшей в сборник «Сумерки» (1842) и воспроизведенной в большинстве научных и популярных изданий Баратынского. Приведем здесь полный текст этой редакции:

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он: она
Любовью ему отвечала;
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала;
Со древа, пред тайно-грозящей бедой,
Вран каркал ему в опасенье;
Ширяясь над ним в высоте голубой,
Орел ободрял дерзновенье;
На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу про<ро>чил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви предрекала;
В пустыне безлюдной он не был одним,
Приветная жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму,
Вдался в суету изысканий —
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Основные разночтения с версией «Сумерек» сосредоточены в третьей строфе, которая в сборнике 1842 года читается так:

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.²

Это единственное место, где отличие редакций имеет смысловой характер:³ в окончательном тексте был исключен целый микросюжет о явлении

¹ Утренняя заря, альманах на 1840 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1840. С. 117–118. Цензурное разрешение от 14 октября 1839 года. Опечатка в слове «пророчил» указана в конце книги.

² Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 26.

³ Остальные изменения, сосредоточенные в предпоследнем четверостишии, носят скорее стилистический характер: «Чета голубиная, вея над ним, / Блаженство любви прорицала: / В пус-

орла как ободряющем знамении. Вместе со всем микросюжетом исчезло и слово, своей окраской несколько выделявшееся на общем, стилистически довольно нейтральном фоне. Это — деепричастие *ширяясь*.

Глагол *ширять|ся* (*ширяться* = ‘парить, рас|простирать крылья’⁴), в первой трети XIX века еще не зафиксированный в академической лексикографии,⁵ в поэтическом узусе тесно ассоциировался со «Словом о полку Игореве», на что указал еще адмирал Шишков: «глаголы *рокотать, ширяться*, ныне иногда весьма хорошо употребляемые, до появления Игоревой песни не существовали в языке».⁶ Из «Слова» он, очевидно, и был заимствован Г. Р. Державиным, причем в сочетании не с исходным *соколом*,⁷ а с новоявленным *орлом*, возможно, эмблематического происхождения.⁸ Державинский

тыне безлюдной он не был одним, / Нечуждая жизнь в ней дышала» (Там же). Разбиение на строфы появилось только в «Сумерках».

⁴ Ср. статью «Ширяться»: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. Л., 1984. Вып. 6. С. 184.

⁵ Впервые глагол появился в академическом толковом словаре 1847 года, а несколько позднее — у Даля (1862). Однако еще при жизни Баратынского слово «ширяться» в указанном значении было включено в расхожий русско-французский словарь: «Ширяться, <...> planer en rond sur une proie» (парить кругами над добычей) (*Рейф Ш.-Ф.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. СПб., 1836. Т. 2. С. 1080).

⁶ *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. СПб., 1825. Ч. 5. С. 8–9 (за указание благодарю Р. Г. Лейбова). К выводу о тесной ассоциации глагола «ширяться» со «Словом» пришел позднее и Ф. Я. Прийма, обследовавший значительное количество литературных и лексикографических источников (*Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 136–137, 158–159). Появление этой лексемы в литературных текстах начала XIX века в результате прямого заимствования из «Слова» представляется более вероятным, нежели из рукописных памятников XVI века (см.: Словарь-справочник... С. 184) или из украинского просторечия (см.: *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 112). Показательно, что в текстах XVIII века, судя по данным большой академической картотеки русского языка в ИЛИ РАН и рабочим материалам «Словаря русского языка XVIII века», этот глагол не фиксируется (пользуюсь случаем посмертно поблагодарить Л. Г. Степанову за эту лексикографическую справку, сделанную для меня в 2008 году). Некоторые из примеров литературного, прежде всего, поэтического употребления глагола «ширяться», приведенных в нашей статье, почерпнуты из указанной книги Прийма, а также из работ В. В. Виноградова «Язык Пушкина» (М.; Л., 1934. С. 81) и «Стиль Пушкина» (М., 1941. С. 128).

⁷ «А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяеши, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти» (Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 31). Заметим кстати, что текст первого издания «Слова» используется в данной заметке как первичный источник: реконструкция «подлинного» древнерусского текста, его критика и толкование в задачи настоящей работы никоим образом не входят.

⁸ «Взлетел маститый Орл, — парит, / Ширяется меж звезд крылами, / Свист бурь, блеск молний под когтями; / И змей, во мгле клубясь, шипит» («На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского», 1806 — *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1865. Т. 2. Ч. 2. С. 608); орел с молниями в когтях — атрибут Юпитера, символ царственной силы, войны и победы (см., например: *Максимович-Амбодик Н.* [Избранные] Эмблемы и Символы / Вступ. статья и комм. А. Е. Махова. М., 1995. С. 43, 124–125 (воспроизведение изд. 1811 года); *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 405–406). Воинская тема (с теми же эмблематическими импликациями) превалирует и в более позднем тексте Державина: «Орлы молодые, вожди грома! / Ужель пришла и вам чреда / Парить, ширяться в поднебесной / И молнией дракона жечь?» («На отбытие великих князей... из Петербурга к армии», 1814 — *Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 190). Любопытно, однако, что в самом раннем употреблении данного словосочетания, практически синхронном публикации «Слова» (экземпляр «Слова» был подарен Державину издателем, вероятно, во второй половине 1800 года — дарственный инскрипт см.: Слово о полку Игореве. [Факсимильное воспроизведение 1-го изд. 1800 года] / Авторы сопроводительных статей и комм. Л. А. Дмитриев, Н. К. Гаврюшин, В. П. Гребенюк. М., 1988. С. 8), военная семантика не прослеживается: «Те [птицы и насекомые] в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах, / Те в светлых заревах, те

прецедент в немалой степени определил дальнейшую поэтическую практику: в русском стихотворном пространстве орел *ширяется* куда чаще, нежели сокол или иные птицы;⁹ при этом поэтическая традиция отчасти сохранила батальную семантику словосочетания, свойственную источнику и поддержанную державинским употреблением.¹⁰ Выбор *орла* в качестве наиболее устойчивой лексической пары к глаголу *ширяться* в какой-то мере мог быть обусловлен и возможной контаминацией фрагмента о Романе и Мстиславе («яко соколъ на вѣтрехъ ширяся...») с гораздо более известным зачином «Слова»: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».¹¹ Именно к последнему фрагменту, скорее всего, отсылают те, весьма частые употребления исследуемого словосочетания, которые прямо или контекстуально связаны с семантикой поэтического творчества (вымысла, фантазии, вдохновения, мечты и т. п.);¹² наиболее показательное применение этого кру-

в желтых, сизых глянцах / Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер; / Над ними в высоте ширяется орел!» («Утро», 1800 — Державин Г. Р. Соч. Т. 2. С. 320; в собственноручных примечаниях Державина содержится определенное противоречие: относя «Утро» к 1800 году, автор в то же время отмечает, что стихотворение «напечатано в том же году на особых листках» (Там же. Т. 3. С. 696), тогда как его отдельное издание вышло двумя годами позже, в 1802 году).

⁹ Характерно примечание к толкованию слова в словаре Рейфа: «...se dit des aigles et des vautours» (Рейф Ш.-Ф. Русско-французский словарь... С. 1080; пер.: «говорится об орлах и грифах»). Следует отметить, что *сокол ширяется* собственно в переводах и близких переложениях соответствующего фрагмента «Слова» — см., например, переводы В. А. Жуковского (1817), М. А. Максимовича (1837), М. Д. Деларю (1839) и др. Ср. в качестве исключения: «Буря занесла сокола в землю чуждую; испил Волхова, взглянул на Новгородскую деву, и уже крылья его не ширяют! Не хочет он лететь в родную землю!» (Вельтман А. Ф. Кощей бессмертный, былина старого времени. М., 1833. Ч. 1. С. 11), однако при этом следует учесть, что повесть писалась Вельтманом одновременно с переводом «Слова» (1833).

¹⁰ Из примеров батальной семантики: «И се! На высоте ширяясь / Он (орел. — Н. О.) зрит чудовищ вдалеке» (К.—З.—кий. Ода на парение Орла над Российскими войсками при селе Бородине, в Августе 1812 // Сын отечества. 1812. 2-е изд. Ч. 1. С. 266); «Орел, которому Царь Севера вручил / Свой пламенный перун противу бурных сил, / От Юга дышащих к Полночи войною, / Орел сей, в воздухе ширяясь под луною, / Держа в когтях чалму, в обширности небес / Паря к бессмертию в подсолнечной, исчез...» (Васильевский Д. Песнь Каменскому второму, написанная по получению известия о его кончине мая 1811 года // Чтение в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 9. С. 88); «Вознесся памятник. Ширяясь крылами / Над ним сидит орел молодой» (Пушкин А. С. Воспоминание в Царском Селе <1814> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 70); «Он там, где пыл войны кипит, / Орлом ширяясь перед строем» (Рылеев К. Ф. Святослав <1822> // Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 128); «Смелый орел, отважно ширяясь на ветрах, парит под блеском молний и сражается с тучами!..» (Глин-ка Ф. Н. Зинойей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия <1816–1817> // Предслава и Добрыня. Исторические повести русских романтиков / Сост., вступ. статья и комм. В. Ю. Троицкого. М., 1986. С. 140).

¹¹ Ироическая песнь о походе на половцов... С. 2–3.

¹² Из примеров поэтической семантики: «Ширяясь в высоте, и всякой чужд границе, / Как бог — он в *Божестве*, и как поэт — в *Фелице*!» (Милонов М. И. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. СПб., 1819. С. 206; о Державине); «Ломоносов — орел, ширяющийся в небесах медленно, стройно и важно» (Мерзляков А. Ф. Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей российской словесности. 1812. Ч. 1. С. 86); «...гений, / <...> / Ширяясь, как орел, на небеса парит, / И с высоты на низ с презрением глядит» (Рылеев К. Ф. Послание к Н. И. Гнедичу <1821> // Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С. 112); «Воображение осыпает самыми свежими цветами его (поэта. — Н. О.) лиру, и ширяясь горе, навевает на нее легкими своими крылами прекрасные, до бесконечности разнообразные свои мечтания» (Мерзляков А. Ф. О вкусе и его изменениях // Труды Общества любителей российской словесности. 1818. Ч. 10. С. 14); «Певец! Ты выполнил всеобщие уставы; / <...> / Так к царству бурь орел взлетает в дерзновенье / И, с гордым торжеством ширяясь в облаках, — / Вещает смертному: и я земли рожденье, / Но дом мой в небесах!» (Загорский М. П. Слава. Из Ламартина // Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1823. С. 194–195); «А дух мой там ширялся, как орел, / За оными блестящими мирами» (Кюхельбекер В. К. Сирота <1833–1834> // Кюхельбекер В. К.

га значений, нередко связанных с концептом «одического парения», к самому автору «Слова»:

Как в дикости своей пленительна природа,
Подобно песнь твоя, российский Оссиан!
В ней гения видна орлиная свобода;
Орлом ширяться дар тебе природой дан.¹³

Если допустить, что словосочетания с глаголом *ширяться* в интересующую нас эпоху манифестировали связь того или иного стихотворного текста со «Словом о полку Игореве» (на уровне смысловых аллюзий или всего лишь стилистической маркировки), то подобную связь следует искать и в «Приметах». Действительно, в стихотворении Баратынского без труда обнаруживаются некоторые (впрочем, не слишком точные) мотивные переклички со «Словом».¹⁴

Прежде всего, это мотивы дурных предзнаменований при выступлении войска в поход: «Тогда вѣступи Игорьъ Князь въ златѣ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмоу путь заступаше; ночь стонуши ему грозоу птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, влѣзѣ, и по морію, и по Сулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутараканьскій блѣванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспушени. Игорьъ къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птицъ; подобію влѣци грозу въ срожать, по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици брешутъ на чръленныя щиты».¹⁵

Любопытно в этой связи и примечание (к), сделанное первыми публикаторами: «Птичий полет издавна был у многих народов предзнаменованием счастья или несчастия в предприятии намерении; и Римляне гадали по птицам. Равномерно примечали, в какую сторону слетались хищные птицы, и там неминуемой предполагали быть гибели людской. Волчий вой также предвещал кровопролитную войну».¹⁶

Соответствует такому толкованию и перевод, в котором прямо вводится идея предсказания *беды*: «Игорь к Дону войска ведет; уже птицы беду ему предрекают, волки по оврагам вытьем своим страх наводят; орлы зверей на трупы сзывают, а лисицы брешут на червленые щиты».¹⁷

Избр. произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1 / Подг. текста и прим. Н. В. Королевой. С. 515 (Библиотека поэта. Большая сер.); «Но орел ширяется выше туч, а он младший брат моей мысли: ей нет высоты недолетной» (Бестужев-Марлинский А. А. Он был убит <1835> // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Изд. подг. Ф. З. Канунова. СПб., 1995. С. 302 (сер. «Литературные памятники»)); «Так молниеносный орел (творческий дух. — Н. О.), ширясь под небесами, после успокаивается на тенистом дубе, держащем гнездо его» (Надеждин Н. И. О происхождении поэзии, называемой романтической... <1833?> // Надеждин Н. И. Соч.: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 208); «Кто скажет горному орлу: / Ты не ширяй под небесами» (Майков А. Н. Мысль поэта <1839> // Майков А. Н. Избр. произведения / Сост., подг. текста и прим. Л. С. Гейро; вступ. статья Ф. Я. Приймы. Л., 1977. С. 57 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

¹³ Грамматин Н. Ф. Надпись к портрету неизвестного сочинителя «Слова о полку Игоревом» <1818> // Поэты 1790–1810-х годов / Сост. и вступ. статья Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 328 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁴ В самом общем виде эту связь сформулировала в свое время И. Л. Альми: «Почва стихотворения — родные сказания, русский фольклор, „Слово о Полку Игореве“» (Альми И. Л. О поэзии и прозе. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 185). Ср. также: Рудакова С. В. Системность художественного мышления Е. А. Баратынского-лирика. Дис. ... доктора филол. наук. Магнитогорск, 2014. С. 347.

¹⁵ Ироическая песнь о походе на половцов... С. 9–10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Эксплицировав мотив предсказания, переводчики первого издания¹⁸ в то же время элиминировали важный для «Примет» мотив *угрозы* («Со древа, пред *тайно-грозящей бедой...*»;¹⁹ курсив мой. — Н. О.), отчетливо проявленный в целом ряде ранних переложений: «Предвещают птицы бедствие»;²⁰ «Игорь к Дону воинство ведет. Но уже его бедствие пищу готовит птицам; волки по оврагам напастями угрожают»;²¹ «Игорь ратных к Дону ведет! / Уже беда его птиц скликает, / И волки угрозою воют по оврагам, / Клектom орлы на кости зверей зовут, / Лисицы брешут на червлённые щиты...»;²² «Игорь также полк ведет свой к Дону синему; / Но беды ему вещают птицы вестие, / Грозно воют по яругам волки серые, / Звери хищные сбегаются на клет орлов, / На щиты лисицы брешут, на червлённые»;²³ «Предвестия гибели хищных уж птиц на него накликают, как волки вытьемъ по оврагам, грозу предвещая»;²⁴ «Игорь к Дону войско ведет: уже беды его ждут птицы, и волки грозу предвещают по оврагам; орлы клетком зовут зверей на кости, и лают лисицы на багряные щиты». ²⁵

¹⁸ А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский. Об особенностях перевода первого издания «Слова» см.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 269–317; *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII веке. М., 1988. С. 192–217, 232–240.

¹⁹ Заметим кстати, что инициальное «Со древа», относящееся у Баратынского к *врану*, очевидным образом отсылает к фразе «дивъ кличетъ вѣрху древа» (Ироическая песнь о походе на половцов... С. 9). В ранних переложениях Див либо понимается как «филин», либо остается таинственным мифологическим персонажем; при этом, в отличие от оригинала, своим криком он несет угрозу, предвещает беду: «Див, сидящий на верху древа, прорицает им беды» (*Шишков А. С.* Примечания на древнее сочинение, называемое Ироическая песнь о походе на половцев или Слово о полку Игоревом // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1805. Ч. 1. С. 207); «С вершины древа Див беды им прорицая» (*Палицын А. А.* Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке. Харьков, 1807. С. 4); «На вершине древа кличет див, / И, увы! зловеющий филин сей / Предвещает зло, несчастье!» (*Языцкий Н. И.* Игорь Святославич. Ироическая песнь // Чтение в Беседе любителей российской словесности. СПб., 1812. Чтение 6. С. 37); «Сверху древа грозно кличет див, зловеющий див» (*Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игоревом, историческая поэма, ... предложенная стихами древнейшего Русского размера... М., 1823. С. 66).

²⁰ Поход Игоря противу половцов, перевод в стихах русского склада / Пер. [И. И. Сирякова]. М., 1803. Цит. по «Параллельному корпусу переводов „Слова о полку Игореве“» (<http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=c1>; дата обращения: 30.04.2020; пользуюсь оказией выразить благодарность В. В. Орехову за создание этого чрезвычайно полезного ресурса).

²¹ *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 101. Перевод Капниста, выполненный в 1809/1810–1813 годах, был напечатан лишь в 1950 году.

²² *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 5. С. 11. Мотив «предвещаний» был специально выделен Жуковским еще на ранних стадиях работы над «Словом» (см.: *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 129–130); о месте «Слова» в творчестве Жуковского см.: *Тищенко В. И.* В. А. Жуковский и «Слово о полку Игореве» // Вопросы русской литературы. Львов, 1984. Вып. 2 (44). С. 98–105. С. В. Рудакова усматривала параллелизм «волчьего» мотива в «Приметах» и в переводе Жуковского (*Рудакова С. В.* Системность художественного мышления Е. А. Боратынского... С. 350). Следует, однако, иметь в виду, что перевод Жуковского (1817), как и перевод Капниста, вряд ли мог быть известен Баратынскому: его первая публикация (под именем А. С. Пушкина) относится к 1883 году.

²³ *Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игоревом... С. 67. В прозаическом переводе Грамматин избегает этого мотива: «Игорь к Дону воинов ведет; уже беды его пасут птиц; волки ужас рождают *вытьемъ* по оврагам, орлы криком на трупы зверей зовут, лисицы лают на багровые щиты» (Там же. С. 39).

²⁴ Песнь ополчению Игоря Святославича, Князя Новгород Северского / Пер. А. Ф. Вельтмана. М., 1833. С. 9.

²⁵ Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII века на древнем русском языке / Изд. с пер. М. А. Максимовичем. Киев, 1837. С. 11. Ср. также в пересказе Н. М. Карамзина (1816): «Игорь, *вступив в златое стремя*, видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектom* своим

Среди мотивов «Слова», возможно, отозвавшихся в стихотворении Баратынского, следует отметить и завершение вешего сна Святослава о поражении Игоря: «Святъслава мутенъ сонъ видѣ: <...> Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю. *Перевод:* будто б во всю ночь с вечера до света вороны каркали, усевшись у Пленска на выгоне в дебри Кисановой, и не полетели к морю синему».²⁶

Если носители знамений — *вран, орел и волк* — пусть и не в точном функциональном соответствии, но встречаются и в «Приметах» Баратынского, и в «Слове», то *чете голубиной*, на первый взгляд, соответствий в древнерусском тексте «Слова» вообще не находится. Однако в первом его переводе голубиная пара, хоть и разлученная, все же появляется: «Ярославнин голос слышится; она, как оставленная горлица, по утрам воркует: „Полечу я, говорит, горлицею по Дунаю...“».²⁷

Наконец, на этом фоне может оказаться значимым и употребление в сильной (рифменной) позиции слова *полк*, прямо отсылающего к заглавию «Слова».

Однако для сопоставления «Примет» со «Словом» релевантны, кажется, не столько конкретные сходжения (подобные мотивы далеко не уникальны), сколько линия знамений и предвещаний как таковая. Собственно говоря, вся эта линия в «Слове» является своего рода инвертированной параллелью к идеологическому сюжету «Примет»: поведение князя Игоря, игнорирующего природные знаменания, это и есть поведение человека, «презревшего чувство» и «доверившегося уму».

В то же время даже наличия такого соответствия явно недостаточно для того, чтобы можно было счесть «Слово» ближайшим подтекстом «Примет». Ни национально-исторические атрибуты памятника, ни его жанровые свойства, ни основной сюжет — в «Приметах» отраженья не получили. Похоже, что «Слово» заинтересовало Баратынского лишь как важный пример архаического текста, сохранившего рефлекс пантеизма и ценности интуитивного знания. Для воссоздания «первобытной философии» «Примет» нужен был материал иного уровня — текст, где идеологические потенции «Слова» выявлялись бы и концептуализировались.

Если ограничить поиск кругом интерпретаций «Слова о полку Игореве», то отыскать метатекст такого рода оказывается не слишком сложно. Среди множества трудов, посвященных знаменитейшему памятнику старинной русской словесности, обращает на себя внимание цикл статей (лекций) профессора

предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты Россиян» (Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. 2–3 / Под ред. В. Ю. Афиани, В. М. Живова, В. П. Козлова. С. 476).

²⁶ Ироическая песнь о походе на половцов... С. 23–24. Ср.: «И с вечера целую ночь граяли враны зловещие, / Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 15); «И всю ночь с вечера каркали бесовы вороны у Пленска на болоньи, были в дебри Кисановой, и не слетели к Синему морю» (Песнь о полку Игореве / Пер. М. А. Максимовича. Киев, 1837. С. 27); «Бесовы враны кричали всю ночь на болоньи у Пленска, / Были в Кисановой дебри и не сошли к синю морю» (Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова / Переложение Михаила де Ла Рю. Одесса, 1839. С. 37).

²⁷ Ироическая песнь о походе на половцов... С. 37–38. Рефлексы первого перевода были наиболее сильны в переложениях и подражаниях 1800–1820-х годов: так, Ярославна-горлица встречается в текстах А. А. Палицына (1807), В. В. Капниста (1809/1810–1813), Н. И. Язвицкого (1812), И. М. Левитского (1813), Я. О. Пожарского (1819), Н. Ф. Белюстина (1819), В. А. Загорского (1825), П. П. Шкляревского (1831), Н. Д. Иванчина-Писарева (1837). Позднее начинают преобладать иные толкования: *зегзица* оригинала переводится как *чететка* (Жуковский, 1817) или *кукушка* — см. переложения Н. Ф. Грамматина (1823), И. И. Козлова (1825), А. Ф. Вельтана (1833), М. А. Максимовича (1837), М. Д. Деларю (1839) и т. д.

М. А. Максимовича (в то время ректора Киевского университета), напечатанных в 1836–1837 годах в «Журнале министерства народного просвещения» и переизданных отдельной брошюрой летом 1837 года.²⁸ Филологические штудии Максимовича и, в частности, его работы о «Слове» подробно обследованы в специальной литературе, поэтому здесь стоит сосредоточиться на мирозерцании автора «Слова», которое Максимович пытался реконструировать во второй статье цикла («Песнь Игорю, относительно ее духа»),²⁹ привлекая для своей реконструкции не только текст исследуемого памятника, но и материал русского и украинского фольклора.

Показательна уже сама рубрикация статьи Максимовича, те черты, которые он считает характеризующими *дух* «Слова»:

«А. *Дух любви*:

- а) *Ратный дух*;
- б) *Любовь к минувшему и скорбь о настоящем*;
- в) *Битва и смерть*;
- г) *Любовь к песнопению*;
- д) *Любовь женская*.

Б. *Дух Веры*:

- а) *Христианство*;
- б) *Следы язычества*;
- в) *Верования в мире духов*;
- г) *Верование в чудесное*;
- д) *Вера в знамения Природы*;
- е) *Вера в Природу и сочувствие с нею*

(Максимович 1836: II, 439–468).

Напомним, что *любовь* и *вера* — два понятия, ключевых для вводных строф стихотворения Баратынского. Однако у Максимовича лишь второе из них соответствует семантике «Примет»: *любовь* у него прежде всего — понятие исторически и географически локализованное, *любовь* к родной земле: «Наблюдая Игореву Песнь относительно духа, находим, что отличительный характер оного состоит в соединении двух главнейших начал: *любви к земле Русской и ее славе, и веры в жизнь Природы и глубокого с нею сочувствия*. Два начала сии суть основания и господствующие в духе Поэзии Певца Игоря: из них уже истекают, или ими проникнуты, или под их господством раскрываются другие виды любви и веры, другие чувства и понятия. Потому и обозрение оных мы приведем к этим двум знаменательным началам, из коих первое имело преимущественное влияние на содержание и тон Песни, а второе на образ выражения и краски ее» (Максимович 1836: II, 440).

Однако в интерпретацию понятия вводится, как частное применение, и мотив более универсальный (и более важный для Баратынского): *любовь* человека к Природе и ее отзыв («...она / Любостью ему отвечала») ассоциируется Максимовичем с мотивами женской любви, с плачем Ярославны, который трактуется как заклинание стихий, магический диалог с Природой: «После того, как Певец с напрасною надеждою взывал к Князьям и думою уносился

²⁸ Максимович М. А. Песнь о полку Игореве. Из лекций о Русской Словесности, читанных 1835 года в Университете Св. Владимира. Статьи 1–3 // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 10. Апрель, Июнь. Отд. II. С. 1–22, 439–470; 1837. Ч. 13. Январь. Отд. II. С. 29–58. Отд. изд.: Максимович М. А. Песнь о полку Игореве, критический разбор из лекций о Русской Словесности, читанных 1835 года в Университете Св. Владимира. СПб., 1837. Текст перепечатан в приложении к кн.: Фризман Л. Г., Лахно С. Н. М. А. Максимович — литератор. Харьков, 2003. С. 374–422.

²⁹ Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 10. Июнь. Отд. II. С. 439–470. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Максимович 1836: II, с указанием номера страницы.

в минувшее, он обратился к Природе голосом женской любви: и Природа услышала сей голос, и отозвалась на него благотворно своими стихиями, до толе враждовавшими с Игорем: „Прысну море полунощи; идут сморци (смерчи) мъглами: Игореву Князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую к отчю злату столу...“» (Максимович 1836: II, 460–461).

Более обширные и точные концептуальные соответствия находим, однако, в тех разделах работы Максимовича, которые объединены рубрикой *Дух Веры*. Бегло помянув о «приверженстве Певца Игоря христианству» и отметив наиболее явные рудименты язычества, основное свое внимание исследователь уделяет анимистическим (и антиисторическим) формам мирозерцания и его рефлексам (в частности, разного рода *суевериям* и *приметам*) в «Слове», других книжных памятниках и фольклоре: «Но сильнее осталось в народе прежнее верование в духовный мир, прежнее понятия о неведомых существах сего мира. Христианство, положив крест свой на Русина, просветив врожденную, сердечную его веру в Бога понятием о Боге истинном, не изгладило из его памяти тех мечтательных образов, под которыми его воображению являлись злые или добрые духи, души умерших» (Максимович 1836: II, 463; раздел «Верование в мир духов»); «*Вера в чудесное* свойственна человеку, так же как и сама Природа не чужда оно́го. Сия вера перерождается в многочисленные, разнообразные *суеверия*, — неодолимое стремление разгадывать будущее, склонность к ворожбе, волшебству, колдовству, чародейству; вера в сны, встречи, и вообще в *приметы*. Суеверию и страсти к чудесному разного рода подвержены были почти всегда люди, даже великие и образованные, вопреки силе своей воли, голосу разума и Религии. <...> Немного правды в этих приметах, редко сны бывают предвещательные; но эти все виды суеверия, имея основанием своим *чудесное, мечтательное, тайное*, включает в себе много Поэзии. Певец Игоря воспользовался этим чудесным для своей Песни, особенно в *сне Святослава* <...> В этом сне приметы все народные <...> У русских в старину были целые волшебные книги (в XVI веке названные отреченными или еретическими), например, *Чаровник, Волховник, Каледник, Еромник, Мысленик, Сносудец*: в них излагались волхования, гадания снов и судьбы, по разным приметам, особенно по зверям и птицам; было также астрологическое гадание судьбы по светилам. В книге *Волховник* воронограй, страшен сон означали недоброе; щекотанье сороки, волчий вой, появление дятла — считались также приметами, как и в Песни Игоря» (Максимович 1836: II, 465–467, раздел «Верование в чудесное»).

Специально останавливается Максимович на природных *знамениях* (ср. у Баратынского: «Но детски вещаньям природы внимал, / Ловил ее знаменья с верой»): «Знамения почитались чудесными, предвещательными явлениями Природы, посылаемыми от Бога и к добру и к худу. К числу их принадлежит и *полное затмение солнца*, бывшее в небе перед неудачным походом Игоря на Половцев <...>. И этою чудесною действительностью Природы, лучшею всякого чудесного вымысла, Певец воспользовался для своей Исторической Песни; и не сама ли Природа этим вещим знамением утвердила Певца в той вере, что она принимает участие в его Герое и в делах земли Русской?» (Максимович 1836: II, 467, раздел «Вера в знамения Природы»).

Настойчиво подчеркнув роль анималистической символики в архаическом мирозерцании (напомним, что природные предвещения в «Приметах» построены исключительно на анималистическом коде), Максимович завершает свои рассуждения о мифопоэтических истоках «Слова» пассажем о «языке Природы», лежащем в основе поэтического творчества (ср.: «Язык для него обретала»): «И эта вера в жизнь и сочувствие Природы с человеком есть господствующая вера у Певца Игоря. — Потому и ему даешь столько веры,

и любуешься не как вымыслом, когда он изображает столь часто живое и так сказать личное участие Природы в судьбе действующих лиц его, когда напр<имер> описав смертельное упоение Русских на реке Каяле, где *пустыни силу прикрыли*, он изображает печаль прибрежной Природы <...> Такая жизнь, такое одушевление Природы является в целой Песни; Певец верно изображает Природу, или лучше сказать живописует; <...> Певцом же Игоря всего более любимы высшие классы Природы, *птицы и звери*, в коих жизнь Природы развитее и одушевленное, — особенно птицы, у коих и вещей смысл Природы всего сильнее, и голос настроен так звонко для песни, которые самим полетом своим от земли в вышину согласнее с восторжением души в поэтическом ее вдохновении. В этом восторженном состоянии душа Певца, близкая к Природе, вступает с нею в теснейший союз; тогда Певец живее чувствует ее живые предметы, в них он видит яснее, находит вернее *подобие* с поэтическими предметами души своей; тогда предметы Природы становятся символами его собственных дум, приходят сами для выражения оных, и певец выражает себя живым, предметным языком Природы. Оттуда непрестанные уподобления и метафорический способ выражения не выисканный, не искусственный, но необходимый и естественный» (Максимович 1836: II, 468–470, раздел «Вера в Природу и сочувствие с нею»).

При сравнении поэтического и прозаического текстов, как бы ни были они концептуально и дискурсивно близки, всегда остается момент сомнения, окончательно устранить которое можно разве что обилием формульных соответствий. Однако в рассматриваемом случае генетическая связь текстов, использующих одну идеологическую платформу и близкий понятийный аппарат,³⁰ подтверждается уликой иного рода. В последнем разделе («Вера в Природу и сочувствие с нею»), характеризуя автора «Слова», Максимович пишет: «...про него, как первенствующего Певца Южно-Русского, можно сказать стихами Баратынского (к Гете):

С Природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье»

(Максимович 1836: II, 469).³¹

Апеллируя к Баратынскому, а через него к Гете, Максимович, вероятно, стремился не только проиллюстрировать собственную мысль, но и косвенно

³⁰ В настоящей заметке рассмотрение идеологического контекста «Примет» намеренно ограничено — и форматом публикации, и нежеланием оспаривать чужой приоритет: этой теме в свое время был посвящен доклад Н. Н. Мазур (СПб., 2012), которая в дополнение к известным параллелям (в частности, к тютчевскому «Нет веры вымыслам чудесным», почерпнутому из сказки Вольтера «Что нравится женщинам») приводила интересные соотнесения из Шатобриана, Б. Константа, Шеллинга и поэтов «озерной школы» (источники, заметим, вполне актуальные и для Максимовича).

³¹ Цитируется стихотворение Баратынского «На смерть Гете» (1832), впервые опубликованное в альманахе «Новоселье» (СПб., 1833. Ч. 1. С. 239–240; ср.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 278). Максимович цитировал эти стихи уже в статье 1834 года: «Она (природа. — Н. О.) <...>, непрерывно течет и распускает пеструю ткань свою, забавляя обманчивою надеждою женихов — между тем, как *дышащий одною жизнью с ней*, ее возлюбленный, борется с волнами сомнений в своем далеком странствии...» (Максимович М. А. О границах и переходах царств природы // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. III. С. 118; курсив мой. — Н. О.). Личное общение Максимовича с Баратынским фиксируется в 1828–1830 годах, несколько произведений последнего появилось в альманахе Максимовича «Денница» на 1830 и 1831 годы (см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. 1800–1844* / Сост. А. М. Песков. М., 1998; по указ.).

присвоить *Певцу Игоря* статус универсального гения (в шеллингианском смысле), каковым в глазах современников обладал недавно умерший немецкий поэт. Но для Баратынского отсылка Максимовича была скорее импульсом к диалогу, поводом развернуть имплицитированные в собственном четверостишии смысловые потенции, одновременно расширяя интерпретацию «Слова», предложенную Максимовичем, и достраивая ее до концепции универсального пантеизма, присущего, по мнению Баратынского, человеку архаической («дорациональной») эпохи.

Любопытно при этом, что для «Примет» вместо балладных шестистиший Амф434344, которыми написано «На смерть Гете», были избраны четверостишия Амф4343 — строфическая форма, предложенная Максимовичем, который при цитации решительно редуцировал строфу источника. При дальнейшей переработке текста для «Сумерек» Баратынский упрощает композицию: убирает эпизод с орлом, оставляя сакральное, тройственное число знамений, каждому из которых посвящена отдельная строфа. При этом исчезает и лексический сигнал, прямо указывавший на «Слово»: маскировка прямых отсылок к важным для автора подтекстам, — прием, чрезвычайно характерный для поэтики «Сумерек».